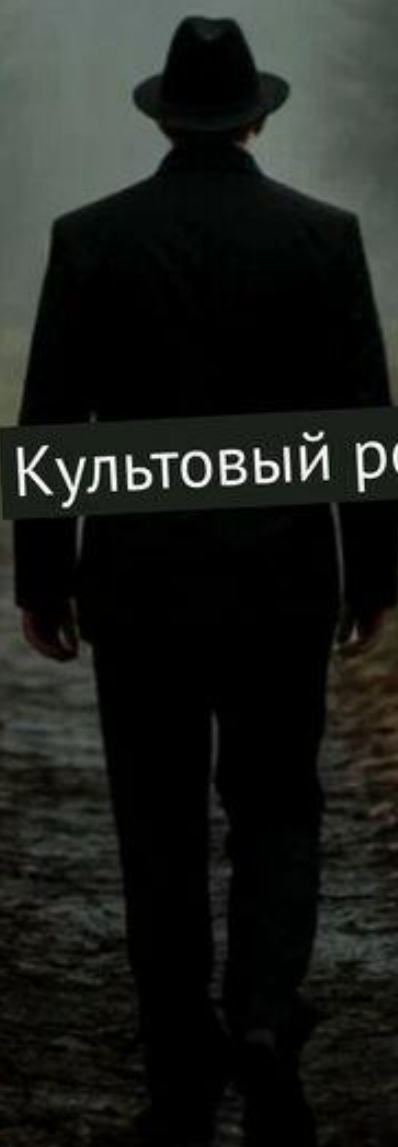

18+

Антон Ходжаев

66 ДНЕЙ ЗАТОЧЕНИЯ

Культовый роман

Антон Ходжаев

**66 дней заточения.
Культовый роман**

«Издательские решения»

Ходжаев А. А.

66 дней заточения. Культовый роман / А. А. Ходжаев —
«Издательские решения»,

Книга рассказывает о путешествии души за пределы физической формы — к осознанию единства со вселенной. Герой обретает мудрость: смерть — не финал, а трансформация; каждый конец — начало. Память о пройденном пути не исчезает: она передаётся через поколения, проявляется в культуре, природе, человеческих отношениях. Автор приглашает читателя увидеть себя частью великого целого, осознать значимость каждого выбора и ощутить связь с бесконечным танцем бытия.

© Ходжаев А. А.

© Издательские решения

Содержание

Жизнь	6
Преступление	16
СТАДИЯ ПЕРВАЯ	18
ДЕНЬ 1	22
ДЕНЬ 2	23
ДЕНЬ 3	25
ДЕНЬ 4	26
ДЕНЬ 5	27
ДЕНЬ 6	28
ДЕНЬ 7	30
ДЕНЬ 8	32
ДЕНЬ 9	33
ДЕНЬ 10	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

66 дней заточения Культовый роман

Антон Александрович Ходжаев

Редактор Антон Александрович Ходжаев

Иллюстратор Антон Александрович Ходжаев

© Антон Александрович Ходжаев, 2026

© Антон Александрович Ходжаев, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-3125-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь

Меня зовут Никита Иванцов, мне 39 лет. Я родился в небольшой, почти затерянной деревеньке Щукино, в Воронежской области. Это место будто из другой эпохи — старые живописные деревянные домики, украшенные резьбой по дереву, узкие, поросшие травой улицы, окружённые густыми соснами и берёзами. Весной здесь повсюду цветут ромашки и колокольчики, а летом воздух наполняется ароматом малины и свежей хвои. Речушка, что протекает по краю деревни, несмотря на свою скромность, для меня всегда была целым океаном приключений. Щукино — словно маленький островок тишины и простоты, где жизнь идёт своим неспешным ритмом.

Всю свою жизнь меня воспитывал дедушка — Игорь Евгеньевич. Он был человеком неординарным: высоким, крепким, с глубокими синими глазами — словно отражение его внутреннего мира. В деревне его знали как доброго и мудрого старика, который частенько уходил в свои мысли, словно разговаривая с невидимыми собеседниками. Дело в том, что дедушка был увлечён психологией и философией — он мог часами рассказывать мне о смысле жизни, человеческих чувствах и природе сознания. Его книги занимали целую полку у печки, а среди записанных цитат и заметок попадались как мысли Будды и Сократа, так и современные психологические труды.

Причина этого увлечения была очень личной и глубокой. Когда дедушке было сорок, он пережил тяжелую утрату — его единственная дочь, моя мама, тяжело заболела и вскоре ушла из жизни. Это опустошение стало переломным моментом в его жизни. Вместо того чтобы слоиться, он пошёл искать ответы, которые могли бы помочь понять боль, горе и человеческую слабость. В книгах он искал утешение и смысл, а потом решил передать эти знания и мне. Он учил меня не бояться своих эмоций, понимать других людей и видеть в каждом событии какую-то часть большого жизненного пазла.

Однажды, наша соседка Антонина Васильевна, попросила дедушку помочь на огороде: обрезать сухие ветки на деревьях да сорняки вырвать. Тогда дед подошел ко мне и басистым голосом сказал:

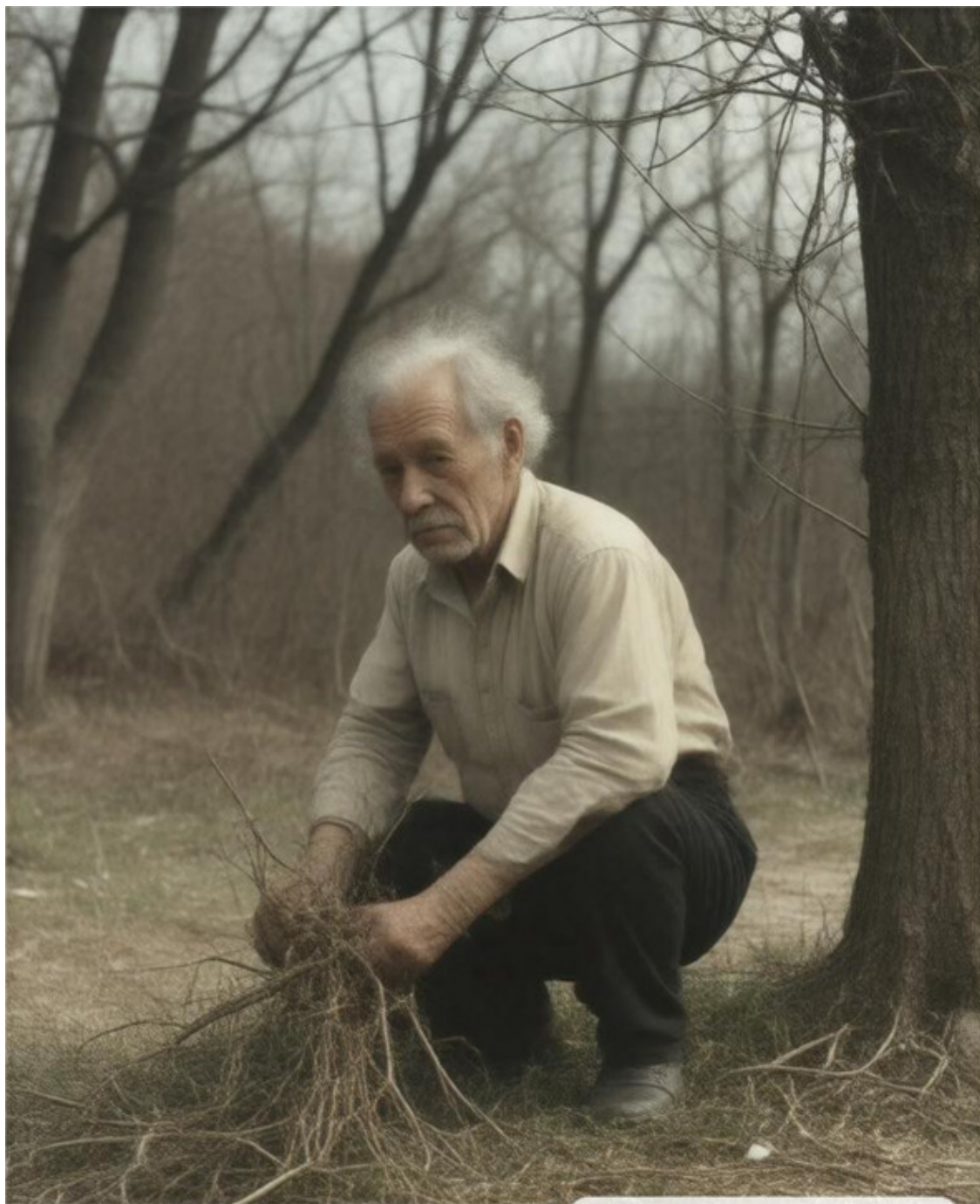
— Так, малой, собирайся! Будем Антонине Васильевне на огороде помогать!

— Ну деда, — заканючил я, — Ну зачем нам ей помогать? Это же ее огород.

— Послушай, внучок, — дед присел на корточки передо мной и спокойно ответил — я был чуть меньше тебя, мы тоже жили в этом селе, в этом доме. Все соседи всегда друг другу помогали, не было разделения на твоё-моё. Мы все жили одной большой семьёй, только жили в разных домах. Понимаешь?

— Понимаю, но сейчас другое время, деда! — не успокаивался я

— Да, но если в мире не будет взаимопомощи и доброты, то мы превратимся в зверей... Да даже у зверей нет такого, что каждый сам за себя...

Никита познакомился с Расулом и Раисом — двумя мальчишками, которые казались настоящими «крутыми парнями». Они вели себя уверенно и немного нагло: всегда громко смеялись, часто перебивали других и не стеснялись подкалывать окружающих, лазили по заброшенным зданиям и рисовали не самые приличные граффити. Расул был более прямолинейным, часто бросал ехидные замечания, а Раис — чуть хитрее, с иронией и сарказмом подкалывал собеседников, словно проверяя их на прочность. Они как будто командовали пространством вокруг себя, привлекая внимание своей смелостью и дерзостью.

Я тянулся к ним, потому что у меня почти не было друзей. Да кого я обманываю! У меня совсем не было друзей. Я очень хотел почувствовать себя частью чего-то важного, ощутить безопасность внутри группы, где меня принимали, пусть и с оговорками. Один раз Раис разбил мячом окно одного из домов, мои друзья разбежались, а я так и остался стоять напротив дома

бабы Клавы, чье окно мы разбили. Я не хотел так развлекаться и портить кому-то жизнь тоже не хотел, но портить общение с Раисом и Расулом это все равно, что подписать себе смертный приговор. К тому же, общение с такими «крутыми парнями» мне казалось отличным способом повысить свой статус среди ровесников и забыть про одиночество.

В то же время я боялся их. Внутри сжимало чувство настороженности и неуверенности. Эти парни были непредсказуемые и жестоки в своих подколках, а я не знал, как себя вести правильно, чтобы не попасть в неприятности. Я боялся стать объектом насмешек или даже открытой агрессии. Боялся, что если не подыграю, то меня отвергнут и выкинут из команды, и тогда одиночество станет еще тяжелее.

Расул и Раис регулярно подкалывали меня — то называли «ботаником», то выдумывали обидные прозвища, иногда высмеивали мои увлечения или внешний вид. Особенно было обидно, когда это было связано с моим дедом. Они часто шутили, что деда учит меня шахматам или заставляет помогать в огороде.

Делали они это тихо, чтобы другие не заметили, но достаточно резко, чтобы я чувствовал на себе их холодное внимание. В те редкие моменты, когда я пытался что — то ответить или возразить, они смеялись и делали еще хуже — заставляли чувствовать себя слабым и уязвимым. В большинстве случаев, я конечно молчал. Оба моих друга были сильнее и крупнее меня, они занимались спортом и регулярно ездили на соревнования.

Сейчас, уже с высоты своих лет, могу сказать, что не мог постоять за себя, потому что был слишком застенчив и неуверен в собственных силах. Я не привык к конфликтам, а страх быть отвергнутым и остаться в одиночестве душил все попытки защитить себя. К тому же, у меня не было опыта общения с такими людьми, которые пользуются силой и хитростью, чтобы доминировать. Я всегда себе говорил: «Проще молчать и терпеть, чем спровоцировать ссору». Именно это делало меня более уязвимым перед издевательствами и подколками.

В тот день я сидел в тени старого заброшенного здания, когда до меня долетели глухие, но резкие голоса. Я узнал их сразу: Расул и Раис, мои друзья. Я прижался к стене, стараясь не выдать себя, медленно пробрался к забору и стал прислушиваться:

— Этот Никита — сплошная проблема! — с явным раздражением шипел Расул, — достал до жути просто!

— Точно, — добавил Раис с презрением, — я бы хотел подставить его, пусть поймет, что никому не нужен туповатый болван!

— Он никогда не поймет наших шуток, никогда не станет частью нас. Надо действовать резко!

— Знаешь, — сжатым голосом проговорил Раис, — я готов избавить нас от балласта

Я зажмурился, слова будто раскалённой иглой вонзались в сердце. С каждым словом в груди набиралось горе, зло и невыносимая боль предательства. Казалось, кровь застыла в жилах, а сердце сжималось в плотный ком. Весь мир рухнул в этот одинокий момент.

Я несмело вышел из укрытия, мои ноги подкашивались, голос дрожал:

— Вы серьёзно? Это всё про меня? Вы же — мои друзья! Почему так?

Раис поднял голову, глаза наполнились холодной ненавистью и не глядя на меня он сказал:

— Ты не наш друг, Никита. Уйди и больше не мешай. Уйди, Никита!

— Мы итак терпели тебя слишком долго. Вали, понял? — с ехидной улыбкой говорил Расул перебирая жвачкой во рту

— Я думал, мы друзья... — растерянно сказал я, чувствуя, как слезы предательски подступают

— Друзья? — Расул рассмеялся, — ты никогда не будешь, как мы!

Я сжал кулаки, не верил своим ушам, боль и обида просто рвали изнутри. Но я пытался сохранить лицо, пытался докричаться, объяснить, найти хоть каплю понимания.

— Но я всегда был с вами, я ничего плохого не делал...

— Ты никогда не был одним из нас. Ты слабый, глупый и лишний. Мы только смеялись над тобой — Раис презрительно фыркнул

Мне хотелось кричать, спорить, и вместе с этим я ненавидел себя, за то что был так слеп и наивен. Набрав в грудь воздух и сильнее сжав кулаки, я ответил, стараясь заставить голос не дрожать:

— Ну и пусть. Уберите меня из игры. Пусть я уйду — отвернувшись я едва слышно добавил — Я этого не забуду

Я повернулся и, не оглядываясь, пошёл прочь. Каждый шаг отдавался тяжёлым эхом в душе. В голове бурлили мысли — предательство, одиночество, бессилие. Всё, что казалось крепким, рухнуло в прах. В груди не было места для радости — только пустота, горечь и горькая тоска.

Теперь я знал — теперь я никого и никогда не назову «другом». Эта ночь навсегда изменила меня, оставив тяжёлый груз ненависти и разбитой надежды.

Когда я вернулся домой, дед спросил меня:

— Ну и зачем ты с ними продолжаешь общаться? Они же тебя ни во что не ставят!

— Но иначе со мной никто не будет общаться и я буду как прежде одинок. — прошептал я, опустив голову.

— Запомни, внучек: уж лучше быть волком одиночкой, чем в стае шакалов.

— Я понял деда

Я развернулся и пошел в свою комнату, меня съедали злоба и ненависть. В голове кружились противоречивые мысли — жгучее желание отомстить Расулу, который причинил мне боль. И тяжесть осознания своей собственной беспомощности, ведь что я мог сделать? Я, который за всю свою жизнь не убил даже мухи! Я чувствовал, как злость постепенно поднимается из глубины души, но вместе с ней мучила совесть. «А как далеко способен я зайти? На сколько велика моя ненависть» — спрашивал я себя. Ответа на эти вопросы у меня не было, но одно понял точно, пока я не способен защитить себя напрямую, но должен как-то вернуть справедливость.

Мысли о мести одолевали меня, будто пламя, которое невозможно погасить. Я специально вспоминал все несправедливости, унижения, которые переносил, и эти воспоминания подталкивали меня к действию. Но в то же время мучили страх и сомнения: «А вдруг это только ухудшит ситуацию? Может, стоит поговорить еще раз с ребятами? А что если деда меня не поймет и не поддержит?»

Но план в моей голове уже созрел и окреп, для себя я уже принял решение и никакие вопросы и сомнения не могли меня остановить. Я решил подбросить в почтовый ящик Расула пачку дедовых сигарет. Это казалось мне достаточно невинной проказой, но в то же время достаточно серьезным ходом, чтобы вызвать у родителей Расула недовольство сыном. Я наслаждался, представляя эту сцену. Я мысленно видел, как мама Расула, нет, в идеале конечно лучше папа. Да, папа. Строгий высокий военный в отставке, открывает почтовый ящик и обнаруживает там сигареты, которые сын прячет от них. Я представлял, как отец моего бывшего друга заходит широким шагом на кухню и бросает на стол вместе со свежей газетой пачку сигарет. Я видел разочарование в глазах мамы Расула, как она строго смотрит на сына, обвиняя его в нарушении правил. А отец, резко говорит сыну, что такое поведение недопустимо и ждёт серьезных последствий. Еще его обязательно лишат компьютера и телефона, посадят под домашний арест, дальше я просто не мог нафантазировать.

Эта картина доставляла мне странное чувство удовлетворения — хоть какое-то возмездие за все те обиды, которые я терпел. В то же время меня охватывала тревога — перед тем, что случится потом. Перед непредсказуемостью реакции родителей Расула. Они могли не поверить, что их сын способен на такой поступок, ведь он спортсмен. А если они поверят и накажут парня гораздо сильнее, чем я нафантазировал. Но чувство несправедливости и жажда мести стали сильнее страха.

Вечером, когда дедушка уже лёг спать, Я тихо вошёл в его комнату. Сердце колотилось учащённо, в голове мелькали мысли: «Если деда проснётся или заметит — всё пропало». Я еле дыша подкрался к креслу, рядом с которым стоял небольшой комод, где дед хранил свои вещи. Аккуратно открыв дверцу, обнаружил знакомую пачку сигарет. Осторожно, чтобы не

шуршать и не разбудить храпящего на всю комнату деда, я вытащил её и спрятал за спину. Каждое движение было выверено, я крался словно гепард за добычей. Я не издал не единого шума и был очень горд собой. Теперь осталось также бесшумно покинуть квартиру, а потом вернуться обратно.

Выходя из квартиры, я глядел по сторонам, опасаясь встретить кого-то из соседей. На лестничной площадке было тихо, лишь лампочка в подъезде мигала, создавая пугающую атмосферу. Я быстро спустился вниз, стараясь не стучать по ступенькам. Расул жил в соседнем доме, я бегом побежал по пустынной улице, прижимая к груди пачку сигарет деда. Входная дверь подъезда Расула была чуть приоткрыта — вероятно, кто-то только что ушёл или пришёл. Я быстро и осторожно протиснулся внутрь. Подойдя к почтовому ящику Расула, я внимательно еще раз осмотрелся, чтобы убедиться, что меня никто не видит. Я помню, как дрожали мой пальцы, как я достал пачку и медленно просунул её внутрь ящика. В этот момент я в голове еще раз представил картину будущей реакции родителей: удивление, гнев, разочарование. Эти мысли вознесли меня до небес и придали чувство уверенности.

Выходя из подъезда и направляясь домой, я ощутил внезапное чувство облегчения. Мои шаги стали увереннее, а сердце наполнилось гордостью от того, что я смог действовать, а не просто сидеть, как обычно я делал. Я думал: «Пусть теперь Расул почувствует, каково это — когда кто-то с тобой так играет, с твоими чувствами, страхами. Пусть почувствует!».

Прошло наверно уже дня три, но ничего не происходило. Я подумал, что моя шалость не удалась. Конечно я немного был расстроен, но оно наверно и к лучшему.

Однажды гуляя по своему двору я услышал до боли знакомый и резкий голос:

— Никита!

Это был Расул. Его глаза сверкали злостью, плечи напряжены, а губы сжимались в жёсткую линию. Он резко и очень больно ударил меня в плечо.

— Ты чего творишь? А? — голос Расула был полон злости

— О чем ты? — я сделал вид, что совсем не понимаю его

— Не играй в дурака! Это ты мне подкинул этот мусор!

— Расул, я не в курсе о чем ты говоришь — я старался отвечать спокойно, хотя сердце готово было выскочить из груди в любую минуту.

— Не ври! Все знают, что это ты подбросил расулу сигареты! — сказал появившийся из ниоткуда Ринат. Я огляделся, нас уже окружили ребята с нашего и соседних дворов. Они стояли скрестив руки на груди и с осуждением смотрели на меня.

— Вы заслужили! Заслужили! — громко крикнул я, оглядываясь. Я хотел каждому из них посмотреть в глаза и каждому из них показать, что я не боюсь.

Напряжение повисло в воздухе, мне казалось, что я могу его потрогать. Расул поднял руку и замахнулся на меня еще раз. Я отступил от неожиданности.

— Трус... — с презрением сказал Расул и сплюнул жвачку мне под ноги.

Ребята медленно расходились, никто не смотрел на меня, они обходили меня стороной, будто я заразный. Раис уходил с площадки самый последний, он подошел ко мне посты в плотную и поднес какой-то баллончик к моим глазам. В ту же минуту я ощутил резкую боль. Мне было очень больно я закричал и заплакал, опускаясь на колени, но ко мне конечно никто не подошел.

Когда я вернулся домой, дедушка не задал ни одного вопроса, он просто сидел в кресле и смотрел на меня уставшим взглядом по верх очков. Я не выдержал и сев у ног деда рассказал ему все и про унижения, и про подколы и про свой план мести и чем мой план закончился.

— Деда, прости! Прости, что украл твои сигареты! Прости, что сразу ничего не рассказал. Я хотел отомстить! Они заслужили! Понимаешь, дед?

— Мсть — это удел слабых — сказал мне дед и вернулся к чтению газеты.

Страхи, они реальные, совсем как мы. Самое главное — они обитают среди нас. Страхи, как тараканы в квартире, пока их не выведешь, жизни спокойной не будет. Я ощущал страх как потную, влажную ткань, которая прилипла к телу. Я прекрасно помню это состояние, когда страх завладевал полностью мной. Он начинал с малого — с едва ощутимого учащения сердцебиения, потом дыхание становилось прерывистым и частым, словно мои лёгкие не успевали наполняться, и воздух будто застревал в горле. Руки холодели, ладони покрывались липким потом, а мышцы шеи и плеч напрягались сами по себе, готовые к рывку, который никогда не случался. Внутренне мир сжимался: поле зрения сужалось, звуки становились резче.

Страх для меня всегда был ожиданием того, что вот-вот появится то, чего я боюсь.

Вообще у меня было всего один страх. Один большой, пугающий страх — это ночь и темнота. Я смотрел в окно за опускающимися сумерками, смотрел на возвращающихся домой людей, на собачников, гуляющих перед сном со своими питомцами и поражался как они все не боятся темноты. Мозг в темноте словно переключался на автопилот воображения: знакомые предметы теряли привычные очертания и превращались в опасности, воспоминания смешивались с вымыслом, а будущее казалось предсказуемо жестоким.

Ночь для меня была не просто отсутствием света — ночь была пространством, где правила менялись. Днём мир имел привычные и понятные звуки и ориентиры: шум машин, разговоры, детская площадка, качели, гора песка у соседнего забора. Ночь же стирала эти ориентиры, теперь вместо площадки — теснота, вместо шума улиц — пугающая и звенящая тишина. Я пытался понять почему ночь меня так пугает, в голове мелькали обрывки памяти. Кажется это был июль, наступила ночь и я уже лежал в кроватке, обнявшись с плюшевым медведем. За окном гремел гром и сверкала молния. На кухне родители громко ссорились, я уже почти засыпал, когда услышал как громко хлопнула дверь и потом услышал звук отъезжающей машины. Это папа уехал. Утром за завтраком мама и дед вели себя так, будто ничего не случилось. Я ждал папу каждый день, но он не приехал. Не приехал ни через неделю, ни через месяц, ни через год, он будто испарился. А может причина в том, что деда мне постоянно на ночь вместо сказок рассказывал ворах, призраках и всяких чудищах.

Но так или иначе, страх темноты и ночи сидел во мне плотно. Поэтому, когда дед уже вечером подошел ко мне с просьбой сходить к бабе Любе за молоком, я категорически отказался:

— Вот завтра — с удовольствием схожу! Вот прямо утром! Вот раньше тебя встану и схожу! — горячо заверял я деда

— Ну ты чего, маленький что-ли? — нахмурился дедушка

— Темно уже! Не пойду! — упрямо завертел я головой

— Иди

— Ну почему сейчас — не сдавался я

— Потому что я так сказал. — дед использовал железный аргумент и развернулся ко мне спиной, показывая, что на этом диалог закончен.

Баба Люба жила на окраине деревни, идти к ней нужно было через весь лес. Я шел мимо домов, мимо детской площадки, мимо мусорки. Как только я подошел к лесу, сразу, в один миг заметил, что на улице стало темнее. Я сильно зажмурился и побежал. Время от времени осторожно приоткрывая один глаз, чтобы не врезаться в дерево. Забрав молоко у соседки я таким же способом побежал обратно. Пару раз споткнувшись, я быстро понял, что такой способ передвижения совершенно не годится и придется все-таки идти с открытыми глазами и более спокойно. Вскоре я покинул лес, меня никто не съел, деревья в лесу не были столь ужасными, какими я их представлял. Я глубоко вздохнул, кажется один страх я преодолел.

Я чувствовал себя воином, рыцарем, королем! Тем самым главным героем фильма, который выжил после ядерного взрыва. Вернувшись домой, я гордо поставил перед дедом банку молока и лег на диван ужасно гордый собой.

Я вспоминаю последние школьные годы в деревне, как странное сочетание нежности и стыда. Я помню, как школа с каждым годом пустела: парты становились малыми рядами, а звонок всё реже собирал больше десяти ребят.

Деревня умирала не громко, а по-обманчивому тихо. Магазин в дни, когда он вообще открывался, продавал только сахар, чай и старые газеты; почта работала раз в неделю, и вместо почтальона приезжал подросток на велосипеде. Бани и клубы закрывались, трактора пылились во дворах. Люди говорили о скором отъезде шёпотом, как о чем-то неизбежном и стыдном: кто помоложе — паковали вещи с жадной решительностью, а старики же оставались с надеждой и грустью глядя на отъезжающие машины. Каждый стремился уехать поскорее, будто кто-то мерил время до конца привычной жизни.

Накануне отъезда я подошёл к деду рано утром. Он сидел на крыльце с чашкой крепкого чая, руки у него были такие же широкие и шероховатые, как раньше. Я пытался быть твёрдым, но в голосе дрожал ребёнок.

— Деда, ты ведь поедешь со мной? — сказал я, стараясь улыбнуться, хотя слова мне давались тяжело.

Дед посмотрел на меня задумчиво, будто перебирая все наши годы. В его глазах мелькнула усталость.

— Ну что ты тут будешь делать? — не сдавался я

— Жить. — как-то по-простому ответил дед

— Жить ты будешь в городе, а тут ты просто тратишь время!

— Город! Город — это мерзкая, бездушная клоака!

— Да ты посмотри вокруг, дед! Никого не осталось! А если тебе плохо станет, кто придет на помощь?

— Не придумывай — поморщился дед

— Да почему я придумываю! — я искренне не понимал своего старика. Почему он так упрям.

— Никитка... — тихо сказал он — всегда было так: куда ты, туда и я... Но сейчас все иначе...

Я сел рядом и положил руку ему на колено. Мне хотелось объяснить, что это не бегство, а шанс, что там будут врачи, аптеки, школы, где не придётся дожидаться автобуса два дня. Я говорил просто, без прикрас, потому что знал, что любые умные аргументы будут бессильны против памяти.

— Я просто боюсь — неожиданно признался дед, — боюсь быть никем в чужом месте, боюсь быть обузой для тебя.

— Ты будешь со мной! Я тебя не брошу!

Он улыбнулся так, как улыбаются люди, у которых в жизни было мало поводов для улыбок и радости, но они умеют беречь их. Его губы дрогнули, и в глазах внезапно заблестели слёзы.

— Не та земля там под ногами, Никитка, не та. — прошептал он — Я хлеб тебе в дорогу испеку, возьми.

Мы сидели молча, вслушиваясь в тишину; на мгновение мне казалось, что весь мир сузился до этой веранды, до тепла его ладони и запаха дымка в его одежде. В ту ночь мы сидели почти до самого утра, говорили о простых вещах — про ветер, про то, какие были у нас урожаи, про имена соседских собак — и в каждом слове было прощание и обещание одновременно.

В последний день перед отъездом я хотел провести в лесопарке. Проходя мимо старых заброшенных домов, я смотрел в унылые и призрачные окна домов, в которых больше никто не жил. Вот заброшенный участок Антонины Васильевны, ее дети смогли уговорить и перевезли в город. Старый накренившийся забор встретил меня, как сын отца с командировки. Я вошел во двор. Двор, который Антонина Васильевна так старательно старалась облагородить теперь весь зарос сорняками, деревья были сухими, клумбы стояли пустые. Из-под лавки вылез худой и потрепанный кот Тиша, его Антонина Васильевна подкармливала, сейчас же он по привычке приходил к ней во двор жалобно мяукая. Наверно он надеялся услышать такое родное и знакомое: «Тишаааа, кушаааать». Наверное он надеялся увидеть знакомый силуэт бабушки. Но день за днем, ночь за ночью не менялось ничего. Время не собирается никого лечить, а лишь не заметно убивает.

Уж поверьте, если вы живете в такой дыре, как моя деревня Щукино, то вам будет противно и мерзко ощущать, как идет время. Люди в больших городах чувствуют жизнь. Они ездят на дорогих машинах, ходят в музеи, рестораны и просто наслаждаются жизнью. Даже названия городов мне казались какими-то музыкальными, вы только послушайте: Москва, Мурманск, Воронеж, Калининград, не то что мое село Щукино...

День пролетел незаметно и на ветхие крыши домов тяжелым грузом опустилась ночная тишина. За окном во всю бушевала непогода. Ветер выл раненым зверем, раскаты грома напоминали рычание медведя, который защищает свое потомство, молния пронзала ночную тьму, словно кинжал.

Когда я был маленький, я очень боялся такой погоды. Я вспомнил, наш разговор с дедом. Мы сидели на кухне и пили горячий чай. За окном также бушевал ураган.

— А знаешь почему в грозу лучше не гулять? — спросил дед, громко отхлебывая чай

— Почему? — с интересом спросил я

— Потому что во время грозы можно нарваться на шаровую молнию

— А это что?

— Это огромный сгусток энергии, похожий на глаз циклопа — серьезно ответил дед

— Ты шутишь? — с недоверием смотрел я на дедушку, стараясь понять по его выражению его лица обманывает ли он меня

— Почему же? Этот сгусток собирает энергию со всех электроприборов и потом БУ! Хаха — рассмеялся дедушка — Ну ты же взрослый мальчик и опять повелся

— Значит никаких шаровых молний не существует?

— Нет, они конечно же существуют, Это большой огненный шар, который появляется во время грозы. Он может быть красного, желтого или оранжевого цвета. Если будешь соблюдать меры предосторожности, то никакая шаровая молния тебе не страшна.

Эх, были времена конечно. Тогда, меня, маленького несмышленого Никитку можно было напугать одним неожиданным БУ.

Из мыслей меня вырвал голос деда:

— Чай будешь?

— Давай! — по детски обрадовался я

Мы сели на кухне, как в детстве и пили чай с баранками. Какой замечательный у меня дедушка и как жаль что я завтра уезжаю.

Когда наступил день отъезда, дед стоял на шаг позади меня, держась за сумку так, будто в ней хранился не только хлеб и рубашки, а вся наша общая история. Мы шли медленно. Он посмотрел на меня, и я увидел в нём одновременно гордость и бесконечную печаль. Его ладонь крепко сжала мою, и в этом жесте было больше слов, чем мы когда-либо могли бы высказать.

Я уехал, но память о том утре и о его тепле осталась со мной всегда.

Преступление

Когда я покидал свою деревню, то не представлял чего могу добиться. Сразу после школы я поступил в медицинский институт. Шесть лет учёбы прошли интенсивно — анатомия, патофизиология, клиническая практика. Я чувствовал одновременно гордость и постоянное напряжение: медицина дала смысл жизни.

После института я устроился в частную научно-исследовательскую лабораторию «Альянс». Я быстро стал частью команды, мы занимались разработкой лекарства от очень опасной болезни — «Идиаксиния». Рабочие дни были длинные, с частыми ночными сменами и обсуждениями результатов на досуге. Коллеги стали второй семьёй

Идиаксиния была редкой и тяжёлой болезнью с высоким уровнем смертности. Эта болезнь развивается по стадиям, всего их было четыре.

Стадия первая — слабость, тошнота, потеря аппетита

Стадия вторая — температура 40, лихорадка, озноб, зеленые пятна по всему телу

Стадия третья — Размытое зрение, сгущение зеленых пятен, судороги, помутнение разума

Стадия четвертая — смерть

Болезнь передается воздушно-капельным путем и буквально за одну неделю «пятнистая смерть» может накрыть целую семью. Каждые два дня у заболевшего — это новая стадия. Иногда третья стадия болезни может длиться несколько месяцев, но финал неминуем. Перед тем, как заболевшему стать жителем плиточного городка, ему придется пройти через адские муки.

И к сожалению, заболевшим или зараженным, называйте как хотите, стал наш с Юлей сын Матвей.

Матвей — двенадцатилетний мальчик с тонким, чуть вытянутым лицом и светло-каштановыми волосами, которые всегда торчат в разные стороны, будто он только что упал с дерева. Он худощавый, ростом немного выше сверстников, с внимательными серыми глазами, в которых редко вспыхивают громкие эмоции: чаще наблюдательность и тихая задумчивость.

В тот вечер сын вернулся из школы загнанный и немного помятый: рюкзак небрежно бросил в прихожей, наспех снятые кеды, валялись посередине коридора.

— Привет — выглянула Юля из кухни, где вкусно пахло борщом и пищей

— Привет — не поднимая головы ответил сын

— Как дела в школе? — осторожно спросила мама Матвея

— Сейчас сядем за стол и расскажу

— Хорошо, ты пока переодевайся, у меня все готово

За столом Матвей, долго смотрел в тарелку, потом быстро сказал, словно боялся, что его перебьют.

— В школе был медосмотр, у Лехи нашли зелёные пятна на руках и шее.

— Что за пятна? — спросил я спокойным голосом, стараясь говорить ровно, чтобы мой вопрос звучал как забота, а не паника.

— Не знаю, — Матвей держал ложку, но не ел. — Они такие, зелёные... Доктор сказал, что уведомление отправит родителям.

Юля положила руку ему на волос.

— Не паникуй, — она говорила мягко. — Может, это краска с урока труда или пятно от пластилина.

— У него еще температура 40, мам

— Ты с ним тесно общался? — спросил я, сжимая крепко ложку

— Мы играли на футболе, обнялись после гола... больше ничего

Так, только никакой паники, старался я себя успокоить и взглядом позвал Юлю в коридор.

— Юля, это Идиаксения, вторая стадия. Нельзя, чтобы Матвей завтра шел в школу.

— В смысле нельзя? Завтра контрольная, надо обязательно написать! — кажется моя жена не понимала всю серьезность происходящего.

— Завтра у Матвея не будет никаких контрольных! А третья стадия у Пятифанова будет обязательно!

— Делай, как считаешь нужным. На школьное собрание краснеть пойдешь ты! — Юля отвернулась. Ее глаза блестели от слез, а щеки полыхали, словно два яблока

— Если что-то случится с нашим сыном...

— Да хватит тебе, у него даже пятен нет! — перебила меня Юля

— А тебе надо чтобы были? Пятна это уже вторая стадия, а потом третья и все, смерть!

— Пусть остается дома — тихо ответила жена и мы вернулись на кухню

Матвею мы сообщили, что в школу он не пойдет, чему наш сын естественно обрадовался. А уже поздно вечером в школьный родительский чат пришло сообщение, что Алексей Григорьевич Пятифанов скончался от Идиаксии. Через неделю ему бы исполнилось 13 лет.

СТАДИЯ ПЕРВАЯ

Матвею было решено пока ничего не сообщать: ни про эпидемию в школе, ни про друга. Юля предложила на вопросы матвея о Лехе ответить, что мальчик с родителями уехал в Москву.

Я собирался на работу, уже на выходе меня позвала Юля, ее голос был напряжен и встревожен. Ругаясь про себя я быстро снял ботинки и направился в комнату сына, где ждала меня Юля. На кровати сидел мой бледный Матвей, изо рта рвались остатки вчерашнего ужина.

— Принеси воды срочно! — скомандовал я жене

Я присел перед Матвеем на корточки и дал ему стакан воды.

— Что случилось? Ты как?

— Слабость, тошнит — вяло отвечал Матвей

— Попей пока еще воды, мама сейчас придет — я взял Юлю под локоть и вывел из комнаты сына

Мы вышли в коридор, Юля нервно обняла себя за плечи.

— Может подождать? Вдруг само пройдет?

— Нет, Юль, это первая стадия...

— Я видела его глаза сегодня утром — в них страх. Он боится говорить нам, но я вижу, как ему плохо. Сегодня же пойдем к врачу!

— Это бесполезно, ты же знаешь

— А что тогда делать? Что?

— Я сейчас на работу и постараюсь что-нибудь придумать

— Ты сбегашь, сбегашь! — я видел как Юля закрыла лицо руками и как ее плечи затряслись от беззвучных рыданий.

—

Утренний город казался мне чужим и враждебным. Серые здания, спешащие люди, шум машин — всё это проносилось мимо, словно в тумане. Мои мысли были далеко отсюда, я был весь дома с моим сыном. Я шагал по тротуару, сжимая в кармане ключи от машины, но не замечал ни прохожих, ни светофоров. В голове крутились одни и те же мысли, словно заезженная пластинка.

«Мой мальчик... мой маленький герой... как же так получилось? Почему именно он? Если Матвей заразился от Алексея, то от кого заразился сам Алексей? Загадка...» — эти вопросы терзали мою душу, не давая покоя. Я вспоминал, как сын улыбался сегодня утром, как пытался скрыть свою слабость.

Я не могу просто сидеть и ждать. Не могу смотреть, как он угасает. Не могу допустить, чтобы Идиаксения забрала жизнь моего сына — эти мысли становились всё настойчивее. Я знал, что в моей лаборатории есть то, что может помочь его сыну. То, что может подарить ему шанс на жизнь. Сердце сжималось от боли и отчаяния. Я понимал и знал, что пойду против закона, что рискую всем — свободой, работой, репутацией. Но разве есть что-то важнее жизни собственного ребёнка? Решение в моей голове уже созрело, осталось только воплотить его в жизнь. «А если не получится? Если поймают? Если препарат не поможет?» — страх накатывал волнами, но отступить было поздно. Решение принято.

Я остановился на перекрёстке, глядя, как меняется свет светофора. В голове проносились детали плана: график работы лаборатории, система охраны, возможные пути отхода.

«Я должен это сделать. Ради него. Ради его улыбки. Ради будущего, которое может быть украдено болезнью», — эта мысль придавала мне сил. Я был готов на всё. Абсолютно на всё.

«А если не получится? Если поймают? Если препарат не поможет?» — страх накатывал волнами, но отступить было поздно. Решение принято.

Из мыслей меня вырвал звон мобильного телефона
— Никит, у Матвея появились зеленые пятна!
— Что? — я не верил своим ушам, — только утром была первая стадия
— Я не знаю! Придумай что-нибудь! Никита, ты обещал! — кричала в трубку Юля
— Если я обещал, то я сделаю.

Я раздраженно завершил звонок. Мысли становились всё тяжелее с каждой минутой. Я шел по пустым коридорам лаборатории, а в голове крутились мрачные сценарии.

«Что, если препарат не подействует? Ведь его даже не тестировали на людях... А если станет только хуже? Вдруг это убьет его окончательно?» — эти сомнения терзали мою душу, но отступить было поздно.

Я вспоминал разговоры с коллегами, их осторожные фразы, их неуверенность. «Экспериментальное средство», «побочные эффекты непредсказуемы», «нет данных о применении у несовершеннолетних» — эти слова эхом отдавались в голове.

«Может, стоит ещё раз всё обдумать? Найти другой выход? Но время уходит... каждая минута может стать решающей», — эта внутренняя борьба разрывала меня на части.

Никита сжал ключи от кабинета так сильно, что костяшки побелели. «Я не могу просто сидеть и ждать. Даже если есть риск, даже если всё может пойти не так... Я должен попробовать. Это мой сын, моя кровь».

Ночь лежала вязким бархатом. Лаборатория казалась вымершей в этот поздний час. Камеры, охрана, двери с кодами — все было выверено до мелочей. Сердце громче, чем голос в голове, отбивало дробь, а руки были холодны и дрожали от внутреннего озноба, который нельзя было назвать иначе как страх и решимость. Я думал не о законах, а о маленьком теле дома — о сыне, чьё дыхание в памяти звучало быстрее любого будильника. В голове крутился один образ, одна мысль, подсвеченная паникой: если не сейчас, то когда? Я замер на секунду около сейфа, далее движения были быстрыми и скользящими, и только едва заметные тени на стенах казались свидетелями этого ночного преступления. Через долю секунды в моих руках оказался маленький флакон со спасением. Я быстро положил его в карман и закрыв двери лаборатории, почти бегом пустился домой. В кармане чувствовалась тяжесть не столько пластика или стекла, сколько ответственности, которая была слишком громоздкой. В голове зрел стыд, но я приглушал его мыслью о спасении — оправдание, которое было темнее, чем сама ночь.

Дорога домой превратилась в один сплошной кошмар. Каждый светофор, каждая патрульная машина заставляла меня вздрагивать. Воздух резал лёгкие, и в каждом вдохе смешивались запах машин, мокрого асфальта и металлический привкус нервного напряжения. В подъезде я еще раз нервно одернул пальто. Дверь квартиры открылась привычным скрипом, теплый свет горевший лампы ударил в глаза. Юля спала в кресле в комнате сына. Я подошел на цыпочках к кровати бледного Матвея.

— Сынок, я принес тебе кое- что. Это поможет. — я раскрыл ладонь, на которой лежал флакон с прозрачной жидкостью.

Юля проснулась и подошла ко мне, она говорила тихо, словно боясь разбудить опасность — ту самую, о которой страшно говорить в слух. Слова будто расплывались, когда я пытался объяснить действие препарата: голос дрожал, губы не слушались. Сын повернул голову, глаза — два измученных озера — смотрели без особых надежд и ожиданий. Он держал препарат в маленькой ладошке, и казалось, что весь мир уместился в этом маленьком предмете.

Первые часы после введения препарата казались обещанием на скорое чудо. Я ловил каждое микроизменение — дыхание, цвет кожи, блеск глаз, улыбку сквозь боль — и в каждом искал надежду. Я сидел рядом, держа сына за руку, чувствуя, как та становится всё холоднее. Надежда теплилась в душе, но с каждой минутой становилась всё слабее.. К утру стало ясно —

что-то пошло не так. Сыну стало хуже. Гораздо хуже. Его дыхание стало прерывистым, кожа приобрела землистый оттенок. Внезапно в груди все превратилось в холод.

Жена появилась на пороге, и её взгляд был как приговор. Она не кричала сразу — сначала шли крики внутренней боли, которые вырывались хрипами, сдавливающими горло. Её голос был острым, как стекло:

— Что ты наделал? — её голос, словно кинжал, резал тишину нашей квартиры — Ты убил нашего ребенка!

— Я пытался спасти его... — начал я, но слова застряли в горле

Мои оправдания звучали жалко и бессмысленно; в них не хватало ни силы, ни правды, только мольба о понимании.

Юля стояла у кровати сына, её руки дрожали, держа его холодную ладонь. Я замер в дверях, не смея подойти ближе.

— Посмотри на него! — голос Юли дрожал от сдерживаемых рыданий. — Посмотри, что ты наделал!

— Я... я хотел помочь, — прошептал я, сам не узнавая свой голос

— Помочь?! — она резко обернулась, её глаза пылали гневом и болью. — Ты убил его своими руками! Ты подверг его жизнь смертельному риску!

Слова летели острыми осколками, а в каждом из них отражалась рана и надежда, что можно было бы всё исправить. Её руки дрожали, глаза горели, а я стоял смотря на пустой флакон в руке.

— Этот препарат не тестировали на детях! — кричала она. — Ты даже не подумал об этом! Ты просто взял и решил, что знаешь лучше врачей! Ты не разрешил мне даже сходить в больницу!

— Ты же знаешь, что это было бы бесполезно! Я не мог просто сидеть и ждать! Ты не понимаешь... я должен был что-то сделать! Ты сама меня просила!

— А ты подумал о последствиях? — её голос перешёл на крик. — Ты подумал, что можешь убить его своими руками?

— Я пытался спасти его! — с мольбой прокричал я, пытаясь докричаться до Юли — Я делал это ради него!

— Ради него? — она горько усмехнулась. — Ты действовал из эгоизма! Из страха! Ты не подумал о том, что делаешь ему только хуже!

— Я любил его..

— Я вызываю полицию, — тихо произнесла она, доставая телефон. — Ты преступник. Ты поставил под угрозу жизнь нашего ребёнка.

Когда она взяла телефон и набрала номер, решения казались катастрофически быстрыми и логичными одновременно. Сердце билось так, что казалось, что вот-вот выйдет наружу. Через короткое время в дверях появились люди в форме — холодная официальность вкралась в наш дом, превратив личную драму в публичное действие. Воздух наполнился запахом стерильности и бумаги: протоколы, вопросы, немногословные объяснения. Я стоял и ощущал себя одновременно уязвлённым и преждевременно покинутым. В комнате повисло чувство разбитых надежд, неумолимой справедливости и вечного вопроса, который теперь висел в каждом взгляде — было ли это спасением или ошибкой, которую уже нельзя исправить. Все разговоры об уходе времени и ответственности смешались в одно — неприкаянность и страх за будущее, который оставил после себя тишину, тяжелую как свинец.

В этот момент я потерял всё: сына, жену, свободу и, возможно, самое главное — право называться отцом.

ДЕНЬ 1

— Заходи! — я почувствовал грубый и мощный толчок в спину. Я оказался в тесной камере с двумя койками и дверь позади меня с грохотом захлопнулась. Теперь я остался один на один с невероятным страхом и сковывающим ужасом за свое будущее.

В сырой, пропитанной запахом отчаяния камере я провёл бессчётное количество часов, каждый из которых тянулся словно вечность. Я лежал на жёсткой койке, уставившись в серый потолок, испещрённый трещинами, которые складывались в причудливые узоры. Эти узоры напоминали мне символы моей разрушенной жизни. Они служили напоминанием о том, как легко можно потерять всё, что дорого.

Одиночество здесь было осязаемым, оно давило на грудь, затрудняло дыхание. Я прижимался лицом к холодной стене, вслушиваясь в каждый звук, доносящийся из-за решётки. Шаги охранников, звон ключей, чьи-то приглушённые крики — всё это сливалось в единую симфонию отчаяния.

Мысли кружились в голове, словно рой разъярённых пчёл. Я вспоминал лицо сына — бледное, измождённое болезнью, но всегда пытающееся улыбнуться. Вспоминал глаза Юли — когда-то полные любви и нежности, а теперь сверкающие от гнева и разочарования. Эти воспоминания причиняли острую боль, которая становилась его постоянным спутником.

«Как я мог быть таким слепым? Как мог поддаться отчаянию и забыть о главном — о безопасности своего ребёнка? Я обещал защищать его, оберегать, а вместо этого подверг его жизнь смертельному риску — я сжимал голову руками. — Нет! Я не верю в это! Нет! Я делала это ради сына! Ради семьи! Я не преступник! Да, ведётся расследование и оно все покажет. А если нет... Что если все пойдет по другому? Что тогда? Тогда я навсегда останусь здесь?»

Я прокручивал в памяти каждый момент, предшествующий роковому решению. Лаборатория, дрожащие руки, вскрывающий замок инструмент, флакон с препаратом — всё это теперь казалось чередой роковых ошибок, приведших к катастрофе.

Я вспоминал, как сидел у постели сына, как обещал ему выздоровление, как клялся, что всё будет хорошо. А теперь мой сын... Теперь моего сына нет, а я сам нахожусь здесь, в этом проклятом месте, где время течёт по иным законам, где каждый день похож на предыдущий, и где нет ни надежды, ни будущего, ни настоящего.

«Я предал доверие сына, — думал я, закрывая глаза. — Предал любовь Юли, предал всё, во что верил. Я стал тем, кого сам презирал — человеком, действующим необдуманно, руководствуясь только эмоциями».

В тишине камеры я слышал лишь стук собственного сердца — тяжёлый, прерывистый, словно пытающийся вырваться из грудной клетки. Оно стучало в унисон с его страданиями, с моей болью, с моим отчаянием. Иногда я цеплялся за мысль, что однажды Юля сможет меня простить и придет навестить меня, что я смогу искупить свою вину. Но эта надежда становилась всё слабее с каждой минутой, растворяясь в серой реальности тюремных стен.

«Я потерял всё, — сказал я глядя в пустоту. — Но, может быть, самое страшное — я потерял себя. Того человека, которым гордились мои близкие. Того человека, который давал обещания и не смог их сдержать».

Я схватился за голову и сел на койку. А в голове поселился лишь страх: за себя, за время, за решение суда. Было просто страшно и кроме страха не было ничего. Я упал на колени и заплакал впервые за долгие годы.

ДЕНЬ 2

Я сидел на койке и вспоминал свое лучшее время — это было детство. Детство, проведенное с дедушкой. Когда я думаю о нём, в голове всплывают запахи — горячего чая, крепкого запаха дыма от табака на одежде и старой смазки на велосипеде. Эти запахи плотно сидят в памяти.

Каждое утро начиналось с его тихого «вставай, внучок», и я знал — впереди ждёт что-то особенное. Дедушка никогда не торопился, он умел наслаждаться каждым мгновением жизни, и это умение передавал мне.

Помню наши рыбалки на рассвете. Мы собирались ещё затемно, и пока весь мир спал, мы уже сидели на берегу реки. Дед всегда брал две удочки, хотя часто ловил только он — не потому что я был плохой, а потому что он знал: процесс важнее результата. Он учил меня правильно насаживать наживку, забрасывать удочку, читать следы на воде. Он учил ждать. Не смотреть в воду, как в невидимую книгу, а слушать: как шуршит тростник, как птица садится на ветку, как кто-то вдали смеётся. Его терпение было безграничным — он никогда не сердился, когда я путал крючки или боялся мокрой воды. А потом, когда первые лучи солнца золотили воду, мы сидели молча, и в этой тишине рождалась особая связь между нами. Однажды крупная щука дернула мою леску, и я в испуге дернулся сам, рыба сорвалась с крючка и я упустил ее. Дед лишь снял с головы шапку, посмотрел на меня и тихо сказал: «Не всё наше должно принадлежать нам».

Он держал меня за седло или руль, когда я учился ездить на велосипеде. Помню, как страшно было — руки дрожали, колени были в ссадинах от падений, глаза полны слёз. Дед не давил и не ругался. «Смотри вперед», — повторял он. — Не бойся. Каждый падал и поднимался» И я пробовал снова и снова.

Походы за грибами с дедушкой были целым приключением. Он знал все грибные места в округе, умел читать следы на земле и понимать язык леса. «Природа — она как книга, — говорил он, — только читать её уметь нужно». Мы бродили по лесу, и он показывал мне, как отличить съедобный гриб от ядовитого, как уважать лес и его обитателей.

Дружба у него была священна. Он хранил отношения, как кто-то хранит книги: аккуратно, с уважением. Когда наш старый сосед попал в беду и отказался принять помощь, дед всё равно приходил, приносил продукты, помогал по хозяйству да и просто был рядом. Его дружба не требовала слов; она проявлялась в поступках, в умении не оставлять человека в беде. Дед говорил, что настоящая дружба — это ответственность, готовность молча работать ради другого.

Тема мести у деда была сложной и противоречивой. В юности он однажды отомстил коллеге за несправедливость — сделал мелкую пакость и испытал, как ему казалось, облегчение. А через некоторое время понял, что радость от мести была пустой; она не исцелила обиды, а только подпитала внутреннюю тревогу. Дед рассказал мне эту историю без прикрас: «Мечь греет ровно также, как и червивое яблоко — вроде снаружи красиво, а внутри гниль».

Его уроки направляли меня, его мудрость помогала принимать решения. Я всю жизнь старался быть таким же честным, добрым и справедливым.

Иногда я думаю, что если бы мне удалось уговорить его забрать деда из села, всё могло бы сложиться иначе. Возможно, вся моя жизнь пошла бы по другому пути. Но судьба распорядилась иначе, и вот я здесь, в четырёх стенах, где единственное окно смотрит на серый бетонный забор, а за ним — чужое небо. Вспоминаю его мудрые глаза, тёплые руки, неторопливую речь. И понимаю, что, несмотря на всё случившееся, я всё ещё ношу в себе частичку его души, его уроков, его любви. И это даёт мне силы жить дальше, даже в этом месте, где время течёт по-другому, а воздух пропитан безысходностью.

Дедушка научил меня главному — ценить простые вещи, видеть красоту в обыденном, находить смысл в каждом дне. Его уроки, словно семена, упали в мою душу и проросли глубокими корнями мудрости.

В этой камере, где каждый день похож на предыдущий, я часто разговариваю с ним. Не вслух — мысленно. Спрашиваю совета, делюсь переживаниями, прошу прощения за то, что не смог сберечь то, чему он меня учил. И каждый раз слышу его спокойный голос, чувствую его руку на плече. Здесь, в четырёх стенах, я переосмысливаю свою жизнь. Понимаю, сколько ошибок совершил, как далеко отошёл от тех простых истин, которые он мне передавал. Но вместе с тем осознаю — его уроки никуда не делись, они живут во мне, ждут момента, когда я снова прислушаюсь к ним. Иногда, закрывая глаза, я вижу наш старый дом. Слышу, как скрипят половицы под ногами, как тикают старые часы на стене, как шумит ветер в кронах деревьев за окном. Эти воспоминания — моё спасение, мой островок спокойствия в бушующем море жизни.

Дедушка научил меня главному — быть человеком. Не просто существовать, а жить полной жизнью, замечать прекрасное в мелочах, помогать другим, не ожидая благодарности, принимать жизнь такой, какая она есть.

И сейчас, сидя на этой койке, я понимаю — то, что со мной случилось, это тоже часть пути. Возможно, это шанс переосмыслить всё, вернуться к тем простым истинам, которые он мне передал. Шанс стать тем человеком, которым он хотел меня видеть.

Вспоминаю его слова о том, что каждый падает, но важно уметь подниматься. И пусть сейчас я оказался на самом дне, но у меня есть то, что помогает держаться — память о нём, его уроки, его любовь. Может быть, когда-нибудь я смогу исправить свои ошибки. Смогу жить так, как учил меня дедушка — честно, открыто, с любовью к людям и к жизни. А пока... пока я просто храню в сердце его образ, его мудрость, его доброту. И знаю — он всегда рядом, даже если физически его нет.

Дедушка оставил мне самое ценное наследство — не материальные богатства, а духовные ценности, которые нельзя отнять, которые всегда со мной. И за это я благодарен ему больше всего на свете.

В этой камере, в этом моменте, я понимаю — жизнь только начинается. Начинается с осознания своих ошибок, с желания измениться, с стремления стать лучше. И в этом стремлении я чувствую его поддержку, его любовь, его мудрость.

Дедушка научил меня главному — быть человеком с большой буквы. И я буду стараться жить по его заветам, даже если весь мир против меня. Потому что его уроки — это не просто слова, это путь, который я выбрал, пусть и не сразу, пусть с ошибками, но выбрал.

Я самый ужасный внук, самого лучшего деда.

ДЕНЬ 3

В моей жизни было столько моментов, наполненных светом и радостью, что иногда кажется, будто эти воспоминания способны согреть даже в самый сложный период жизни. Они словно маленькие огоньки, которые освещают мой путь даже в самые тёмные времена.

Я помню свой первый самостоятельный поход в школу. Я так волновался, что не мог уснуть всю ночь. Но когда дед проводил меня к дверям класса, и я увидел улыбающихся одноклассников, всё волнение как рукой сняло. Особенно запомнился день, когда я впервые получил пятёрку по арифметике — радость была такой яркой, что, кажется, осветила весь мир.

Однажды летом мы с дедушкой нашли в лесу поляну, усыпанную яркими грибами. Не обычными, а лисичками — целыми семьями, выглядывающими из травы. Мы собирали их, как сокровища, а потом деда приготовил самый вкусный грибной суп картошкой и зеленью, и я просил добавки, удивляясь, как из обычных лесных даров можно создать такое кулинарное чудо.

А ещё в школе была замечательная учительница музыки. Она умела превратить обычный урок в настоящее приключение. Мы не просто пели или играли на инструментах — мы путешествовали по разным странам, знакомились с их культурой через музыку. Особенно запомнился наш концерт, когда весь небольшой актовый зал школы аплодировал стоя, а директор даже назвал нас «маленьким оркестром мечты».

Были моменты, когда я открывал для себя новые увлечения. Первый раз встал на коньки на городском катке, который залили прямо во дворе. И хотя упал больше десяти раз, больно ударяясь коленями о лёд, но радость от того, что смог проехать хотя бы метр без поддержки, была неопишуемой. Или когда научился играть на гитаре — первые аккорды, пусть и не всегда точные, звучали для меня как музыка победы, а соседи снизу, наверное, думали, что в квартире поселился оркестр расстроенных инструментов.

В университете мы с однокурсниками организовали небольшой театр. Мы ставили спектакли для детей из детского дома, и каждый раз, видя их сияющие глаза, полные восторга и удивления, понимали — делаем что-то действительно важное. Особенно запомнился момент, когда после одного из спектаклей маленькая девочка подбежала ко мне и сказала: «Дядя, ты волшебник!»

Помню, как впервые взял в руки камеру и начал фотографировать. Первые удачные кадры, когда удавалось поймать идеальный момент, передать настроение через снимок — это было настоящее открытие нового мира. Я мог часами бродить по городу, выискивая интересные ракурсы и моменты, которые другие просто не замечали.

Были моменты, когда я просто сидел на берегу реки, наблюдая за закатом. Небо окрашивалось в невероятные цвета, вода становилась зеркальной, а в душе наступала такая гармония, какую не описать словами.

Помню, как помогал соседке-старушке с компьютером. Она так радовалась, когда смогла впервые за долгое время поговорить с дочерью по видеосвязи. Её слёзы счастья были лучшей наградой за все мои старания.

А ещё были моменты, когда я просто гулял по городу и вдруг находил что-то особенное: уютную кофейню с невероятным ароматом свежесваренного кофе, маленький книжный магазинчик с антикварными изданиями, парк, где цветут редкие цветы.

Эти воспоминания — как маленькие солнышки в моей душе. Они согревают меня в трудные минуты, дают силы двигаться вперёд и веру в то, что впереди ещё столько прекрасного. И я благодарен каждому из этих моментов.

ДЕНЬ 4

Я сижу в темноте и чувствую, как совесть точит меня изнутри, не даёт ни спать, ни думать спокойно, превращая каждую мысль в суд, каждое дыхание в приговор. Я понимаю, что сделал плохо, и это осознание не требует доказательств — оно проступает как будто шрам под кожей, болит при малейшем прикосновении. Воспитание дедушки, его тихая требовательность к честности и к тому, чтобы жить так, чтобы не было мучительно стыдно перед самим собой, было мне тогда правилом, а теперь звучит как обвинение: ты знал, ты мог сделать иной выбор, но не сделал. Как же низко я пал. Дедушка всегда говорил, что честь и достоинство — это то, что нельзя потерять без последствий, но я не слушал, считал его слова устаревшими, наивными. Помню его взгляд — тот самый, полный разочарования и боли, когда он пытался объяснить мне простые истины. Он рассказывал о том, как важно держать слово, как ценно быть честным не только с другими, но и с самим собой. А я отмахивался, считая, что современный мир требует других правил игры.

Теперь, совершив то непоправимое, я сижу в темноте камеры и не могу простить себя. Как же так получилось, что я, воспитанный на принципах честности и справедливости, смог переступить через них? Где тот момент, когда я свернул не туда? Наверное, в тот день, когда решил, что цель оправдывает средства.

Муки совести не похожи ни на что. Это страх перед своей собственной пустотой, перед тем, что привычные ориентиры сломаны, и ты остаёшься без внутренней опоры. Я понимаю, что сделанный мной выбор, теперь бросает тень на всё. Мой выбор это трусость — нежелание взять на себя ответственность, лень признать сложную правду. Эти мотивы не оправдывают меня. Дедушка всегда говорил, что человек познаётся в трёх ситуациях: в гневе, в любви и в выборе. И вот я познал себя — и то, что я увидел, мне не нравится. Не нравится до такой степени, что хочется выдрать из груди это предательское сердце, которое до сих пор бьётся спокойно, несмотря на весь ужас содеянного. Как теперь жить с этим? Как смотреть людям в глаза? Как простить себя за то, что предал не только других, но и всё то, во что верил мой дедушка? Эти вопросы крутятся в голове бесконечным хороводом, не давая ни минуты покоя.

Дедушка учил меня, что честь нельзя купить, достоинство нельзя украсть, их можно только заслужить. И теперь я понимаю, что потерял их безвозвратно. Или всё-таки есть шанс вернуть? Может быть, именно через эти муки совести я прохожу путь очищения? В такие минуты я готов на всё, лишь бы вернуть время назад. Готов упасть на колени и молить о прощении. Но знаю — это невозможно. Приходится жить с этим грузом, нести его до конца своих дней. И всё же одна мысль не даёт мне окончательно погрузиться в отчаяние: если я способен испытывать такую боль, значит, во мне ещё жива та частичка души, которую дедушка вложил в моё воспитание. Значит, я ещё могу стать лучше, исправить хотя бы часть содеянного, пусть даже ценой собственной жизни. Только теперь я понимаю, насколько прав был дедушка, когда говорил, что самое страшное наказание — это не суд людской, а суд собственной совести. И этот суд я прохожу каждый день, просыпаясь с одной и той же мыслью: «Как же низко я пал». Но, может быть, именно через эти муки я смогу подняться снова, стать тем человеком, которым меня хотел видеть мой дедушка.

В ночной тишине остаётся главный вопрос: готов ли я жить по принципам, которые когда-то были моими, даже если это требует жить сложно, честно и неподкупно? Ответ не приходит как озарение, он формируется постепенно, в мелочах и решениях. Муки совести исчезнут не волшебством, а трудом. И если я смогу пройти этот путь, то боль станет не наказанием, а подтверждением, что перемена возможна.

ДЕНЬ 5

Сегодня мне приснился кошмар. Этот сон обрушился на меня внезапно, словно удар молнии. Я оказался в родной деревне, которая когда-то была моим раем, моим укрытием от всех невзгод и печалей. Но теперь во сне она предстала передо мной в совершенно ином незнакомом обличье. Дома, в которых жили мои друзья и соседи, стояли заброшенные, с покосившимися крышами и заборами, готовыми рухнуть от малейшего дуновения ветра. Стены некогда уютных изб покрылись странными зелёными пятнами, похожими на плесень, которая расплзалась всё дальше и дальше. Внезапно из-за угла прямо мне под ноги выскочил кот Антонины Васильевны — тот самый кот, который когда-то так любил ластиться к моим рукам, тот самый, которого подкармливала жалостливая старушка. Но теперь он был другим: его шерсть свалилась, глаза горели нездоровым блеском, а когда он бросился ко мне, из его пасти хлынула зелёная пена. Я отшатнулся, пытаюсь убежать, но ноги словно приросли к земле. С большим усилием я заставил ноги двигаться и рванул к дому. По дороге я встретил Раиса — моего бывшего друга детства. Он стоял посреди улицы, и его кожа была неестественно зелёной, будто он провёл вечность в болоте. Его губы шевелились, он что-то кричал, просил о помощи, но я не мог разобрать слов. Честно говоря я не хотел помогать. Память услужливо подсунала неприятные моменты нашей дружбы. Я хотел ответить что-то резкое и грубое, но страх парализовал меня, и я продолжал бежать вперёд, к своему дому.

Когда я наконец добрался до крыльца, руки дрожали так сильно, что я едва смог открыть дверь. Внутри дома царил полумрак, пропитанный запахом сырости и разложения. И там, в центре комнаты, сидели они — мой дедушка и Юля. Их лица были покрыты теми же зелёными пятнами, что и стены дома. Дедушка, который всегда был для меня олицетворением силы и мудрости, теперь выглядел таким беспомощным. Его глаза, когда-то такие живые и добрые, теперь казались пустыми. Юля, с которой мы делили столько счастливых моментов, сидела рядом, и её кожа тоже приобрела этот жуткий зеленоватый оттенок. Я пытался что-то сказать, протянуть к ним руки, но не мог издать ни звука. Ужас сковал моё горло, парализовал язык. Они смотрели на меня, и в их взглядах читалась такая боль, такое разочарование, что я готов был проснуться прямо здесь и сейчас. Около окна стоял маленький гробик, я с усилием воли подошел к нему и заглянул — в нем лежал Матвей. Сын резко открыл глаза и с улыбкой сказал: «Привет, папа!»

Я закричал. Пытался проснуться. Но сон не отпускал. Он продолжал терзать мою душу, показывая то, чего я больше всего боялся — потерю самых близких людей, разрушение того мира, который я так любил. И в этот момент я понял, что это не просто кошмар — это моё самое глубокое, самое тёмное опасение, воплотившееся в жуткой реальности сна.

Проснулся я в холодном поту, с бешено колотящимся сердцем.

ДЕНЬ 6

Я проснулся от собственного хриплого дыхания, которое, казалось, эхом отражалось от холодных стен. Тело затекло от неудобной позы на жёсткой койке, а в голове пульсировала тупая боль, словно кто-то методично вбивал гвозди кирпичом прямо в мой мозг. Серая пелена рассвета едва пробивалась сквозь маленькое зарешеченное окно под потолком, бросая тусклые, безжизненные блики на стены моей камеры — стены давили на меня всей своей бетонной тяжестью. Камера встретила меня привычной сыростью и затхлостью, от которых кружилась голова. Бетонные стены, покрытые разводами от вечных протечек, истекали слезами, будто разделяя мою боль и тоску. Ржавая койка, привинченная к полу, скрипела при каждом движении, явно насмехаясь над моими страданиями. Убогий туалет в углу источал такой отвратительный запах, что к горлу подступала тошнота, а маленькое окошко в двери позволяло наблюдать за унылой, монотонной суетой тюремного коридора — суетой, которая въедалась в сознание, как ржавчина в металл.

Надзиратели в строгой черной форме, проходили мимо с равнодушными, каменными лицами, их шаги эхом отражались от стен, словно удары молота по наковальне моей души. Они были похожи на бездушные тени — механические, бесчувственные, выполняющие свою работу с такой хладнокровностью, что мне хотелось кричать от отчаяния.

Я сел на койку, обхватив голову руками, чувствуя, как боль разрывает меня изнутри. В ушах стоял невыносимый звон, а перед глазами всё ещё мелькали обрывки кошмарного сна — сна, который оказался бледной тенью реальности. Но реальность была куда страшнее любого кошмара. Здесь, в этих стенах, я потерял всё: семью, работу, свободу, а главное — смысл жизни, тот самый смысл, который делал меня человеком. Слезы навернулись на глаза сами собой — горячие, горькие, обжигающие. Они текли по щекам нескончаемым потоком, оставляя солёные следы на грязной коже. Я не пытался их сдержать — какой теперь смысл? Кто увидит мои слёзы здесь? Кому есть дело до моего горя, до меня? Тоска сжимала сердце стальными тисками, острыми, безжалостными. Она была такой же серой, как эти стены, такой же холодной, как бетонный пол под ногами, такой же бесконечной, как эти дни в камере..

В памяти всплывали образы — яркие, живые, мучительные: смеющаяся Юля, её тёплый взгляд, её нежные руки; бегающий по двору сын, его звонкий смех, его доверчивые объятия; мудрый взгляд бабушки, его крепкие руки, его безусловная любовь. Теперь всё это казалось таким далёким, почти нереальным, словно из другого мира, мира, которого больше нет. А может, это действительно было только в моих воспоминаниях? Может, там, снаружи, уже другая жизнь, в которой нет места мне, в которой я стал чужим, ненужным? Слезы текли всё сильнее, превращаясь в безмолвный крик души, в отчаянную мольбу о спасении. Я плакал не от физической боли — от боли душевной, от осознания того, что сам разрушил всё, что было дорого, что сам уничтожил свою жизнь, жизнь своей семьи. Плакал о потерянной свободе, о разбитых надеждах, о несбывшихся мечтах, о том, что уже никогда не вернуть.

В этой серой камере, среди тюремной рутины, я чувствовал себя живым трупом, ходячим мертвецом. Тело было здесь, а душа словно улетела прочь, пытаюсь найти утешение в воспоминаниях о прежней жизни, о том, что когда-то было. Но даже эти воспоминания теперь приносили только боль, становясь острым ножом, вонзающимся в сердце снова и снова, без конца, без пощады.

Время здесь текло по-другому — медленно, тягуче, словно смола, словно вечность. Каждый час тянулся как тысячелетие, а минуты складывались в бесконечную череду страданий, в бесконечный ад, из которого нет выхода. И в этой бесконечной серости единственным ярким пятном оставались воспоминания о том, что когда-то я был другим человеком — человеком, у которого была семья, работа, будущее, смысл жизни.

Теперь всё это казалось недостижимой мечтой, миражом в пустыне отчаяния, а я — пленником собственной глупости и ошибок, запертым в серой тюрьме не только снаружи, но и внутри себя. Пленником, который медленно умирает от тоски.

ДЕНЬ 7

Я сижу в этой тюремной камере уже неделю и до сих пор не могу поверить, что оказался здесь. Да, я украл экспериментальный препарат! И кто бы чтобы не говорил, я имею на это полное право! Мой сын умирал! Помните, как всё началось? Мой Матвей, мой мальчик, прибежал домой бледный как смерть. Ведь у Лехи была та самая болезнь!.. А на следующее утро у моего мальчика появились те же симптомы! Те же проклятые признаки! И я видел в лаборатории, как этот препарат работает на тестах! Видел своими глазами! Я знал, что это наш шанс, знал!

А эти идиоты из врачебной комиссии только и делали, что тянули время! «Нужно больше исследований», «недостаточно данных»... А мой сын тем временем угасал на глазах! И что мне оставалось делать? Сидеть и смотреть, как он умирает? Как мой мальчик уходит из-за того, что кто-то там не подписал очередную бумажку? И вы же понимаете, что таких, как мой сын десятки! Люди просто умирали!

Я работал в этой лаборатории годами! Я знал каждый протокол, каждую молекулу этого препарата лучше, чем собственную ладонь! Я понимал риски, я осознавал всё! И я принял решение, основываясь на своих профессиональных знаниях, а не на чьих-то там дурацких правилах! Да, препарат был экспериментальным! Но я видел результаты тестов! Я знал, на что шёл! И я принял решение, потому что времени не оставалось! Потому что каждая секунда могла стать последней для моего сына!

А Юля, моя жена... Вместо того чтобы поддержать в трудную минуту, она вызвала полицию! Она, которая ничего не понимает в медицине, она, которая не видела те же результаты тестов, что и я! Она, которая плакала и кричала, чтобы я спас нашего сына! Она просто испугалась! Испугалась ответственности, испугалась того, что придётся бороться до конца! Она выбрала лёгкий путь — сдать меня!

Я пытался спасти своего ребёнка! Пытался использовать все доступные средства! И да, я пошёл против системы! Но система была бессильна! Система просто ждала, пока мой сын умрёт! Кто здесь настоящий преступник? Я, который пытался спасти жизнь своего ребёнка, или система, которая пряталась за бумажками и протоколами? Кто здесь виноват в смерти Матвея? Я, который боролся до конца, или Юля, которая бросила все и сбежала, ни разу не позвонив мне?

И не надо мне тут про профессиональную этику! Когда речь идёт о жизни твоего ребёнка, какие могут быть этические нормы? Какие протоколы? Когда твой сын умирает, ты хватаешься за любую возможность! За любой шанс! Даже за самый призрачный! Да, препарат не сработал! Но кто мог знать, что так получится? Кто мог гарантировать результат?

Я не жалею о своём решении! Не жалею, что пошёл против системы! Не жалею, что пытался спасти своего сына всеми доступными средствами! Потому что я действовал как отец, как человек, который не может просто сидеть и смотреть, как умирает его ребёнок! И пусть весь мир осуждает меня! Я сделал то, что должен был сделать любой любящий отец! Я боролся за жизнь своего ребёнка до последнего! И я не отступлю от своих принципов! Это система убила моего сына своей бюрократией! Своими протоколами! Своими исследованиями! А я просто пытался спасти его! Пытался дать ему шанс, которого система была не в состоянии предоставить! Они убили его и других людей своей медлительностью, своими правилами!

И пусть я сижу в этой камере! Пусть весь мир считает меня преступником! Я знаю правду — я пытался спасти своего ребёнка! И в этом моя единственная вина — я слишком поздно понял, что система сильнее одного человека, даже если этот человек готов на всё ради своего ребёнка. Но я не жалею о своём решении! Никогда не пожалею! Потому что я боролся! Боролся как дикий зверь, защищая своего детёныша! А это больше, чем может сказать большинство

родителей, когда их ребёнок умирает от неизлечимой болезни! Я не сдался! Я не опустил руки! Я боролся до конца, и в этом моя сила, а не слабость!

И пусть меня судят! Пусть меня осуждают! Я поступил так, как должен был поступить настоящий отец! Я не предал своего ребёнка, даже когда весь мир был против меня! Даже когда система пыталась меня остановить! Я остался верен себе!

ДЕНЬ 8

Я, Воронцов Никита Алексеевич, всю свою жизнь посвятил науке. Пятнадцать лет в лаборатории «Альянс» — это не просто цифры. Это тысячи часов работы, бессонные ночи и победы над болезнями. Я всегда считал, что занимаюсь важным делом — спасаю жизни людей. Последние четыре года мы с командой трудились над лекарством от Идиаксении. Это была сложная задача, но мы не отступали. Каждый успех, каждая маленькая победа давались нелегко, но мы верили в результат.

У меня была замечательная семья. Моя жена — умная, понимающая женщина. Она всегда поддерживала меня, даже когда я пропадал в лаборатории допоздна. А сын... Матвей, мой единственный сын. Он был моим вдохновением, моей радостью. Мы жили полной жизнью. Выходные проводили вместе: ездили на природу, готовили шашлыки, играли в игры. Матвей увлекался конструкторами, и я с удовольствием помогал ему собирать их. Мы посещали музеи, выставки, парки. Я старался дать ему всё самое лучшее.

Я гордился своей работой. Гордился тем, что смог создать крепкую семью, построить карьеру. Лаборатория «Альянс» стала моим вторым домом, а мои коллеги — почти родными людьми. Мы работали как одна команда, стремясь к общей цели. И когда болезнь коснулась моего сына... Я не мог остаться в стороне. Я знал эту болезнь лучше многих, понимал риски и возможности. Я не мог просто сидеть и ждать.

Да, я пошёл на риск. Нарушил правила, переступил через инструкции. Но кто из родителей смог бы спокойно смотреть, как его ребёнок страдает? Когда речь идёт о жизни твоего ребёнка, все правила отходят на второй план. Я действовал осознанно. Использовал все свои знания, опыт, связи. Я не был безумцем — я был отцом, готовым на всё ради своего ребёнка. И я не жалею о своих действиях.

Я не святой, но и не преступник. Я учёный, который пытался спасти жизнь своего ребёнка всеми доступными способами. И пусть каждый судит меня как хочет — я поступил так, как подсказывало мне сердце.

Я написал этот текст на листке пожелтевшей бумаги и сложив в конверт, опустил в ящик для писем.

ДЕНЬ 9

В этих бетонных четырёх стенах время тянется, словно резина. Каждый день похож на предыдущий, но сегодня что-то изменилось. Я сижу на своей койке, прижимаю к груди пожелтевшие страницы старых заметок и чувствую... нет, не раскаяние. Что-то другое. Мои пальцы дрожат, когда я провожу по строкам, написанным моим почерком. Здесь каждая буква пропитана надеждой, отчаянием, любовью. Я вспоминаю, как торопился, как не спал ночами, как верил... верил до последнего.

Внезапно я замираю. На одной из страниц вижу набросок формулы — той самой, над которой мы работали в последние дни. Той, которая могла бы всё изменить. Могла бы спасти не только Матвея, но и сотни других детей. Слезы каплют на бумагу, размывая чернила. Я стираю их рукавом и продолжаю смотреть. В этих символах я вижу не просто химическую формулу — я вижу путь. Путь, который мог бы привести к спасению.

Встаю. Хожу по камере из угла в угол. Мысли кружатся в голове, словно вихрь. Я понимаю то, чего не понимал раньше. Моё преступление — это не просто акт отчаяния. Это — крик о помощи, который должен быть услышан.

Бью кулаком по стене. Больно. Но эта боль отрезвляет. Я осознаю: то, что произошло — не случайность. Это знак. Знак того, что система нуждается в изменении.

Сажусь за стол. Беру карандаш. Пишу. Не формулы — мысли. Мысли о том, как можно было бы организовать процесс испытаний препаратов, не нарушая этических норм. Как дать родителям надежду, не лишая их права на выбор.

Вспоминаю лицо Матвея. Его улыбку. Его глаза, полные доверия. И понимаю: я должен использовать этот опыт. Должен превратить свою боль в что-то полезное.

Подхожу к окну. Смотрю на небо сквозь решётку. Оно такое же далёкое, как и свобода. Но теперь я знаю: свобода — это не стены вокруг. Свобода — это способность видеть смысл даже в самых тёмных моментах жизни.

Беру бумагу. Начинаю писать план. План не побега — плана новой жизни. Жизни, в которой мой опыт станет уроком. В которой память о Матвее будет жить не как боль, а как стимул к изменениям. Мои пальцы снова дрожат, но теперь это не от отчаяния. Это от новой надежды. Надежды на то, что мои записи, мои мысли, моя боль помогут другим избежать подобного выбора.

В этой камере, за этими стенами, я нахожу то, что искал всё это время. Не оправдание — понимание. Понимание того, что даже в самом тёмном моменте можно найти свет. Свет, который будет освещать путь другим. И пусть я за решёткой. Пусть моё имя опорочено. Но мои идеи свободны. Свободны для того, чтобы изменить мир. Чтобы сделать его чуть более человечным, чуть более справедливым. Я продолжаю писать. Каждая строка — это шаг к новому пониманию. Каждый символ — это дань памяти Матвею. И каждый вывод — это шанс для других родителей не оказаться на моём месте.

В этой тишине я слышу голос. Не свой — голос будущего. Голоса тех, кого мои записи могут спасти. И это даёт мне силы продолжать. Продолжать жить, думать, надеяться. Даже здесь. Даже сейчас.

ДЕНЬ 10

Время здесь течёт так медленно, словно патока, тягуче и неотвратно. Первые дни я бился в истерике, пытаясь вырваться из этой серой ловушки, считал каждую секунду до редких прогулок по тюремному двору. Теперь же оно поглотило меня целиком, превратило в часть этого бетонного лабиринта, где каждый шаг отмерен, а каждая мысль контролируется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.